

Сов. секретно.

Ц.К. В К П (б)

НАРКОМУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ 1-го РАНГА

тов. Б Е Р И Я.

СЕКРЕТАРЮ ОБКОМА ВКП (б) по НСО

тов. Б А Р К О В У

НАЧ.УНКВД по НСОбласти

Майору Госбезопасности тов. КУДРЯВЦЕВУ.

от быв.пом.Начальника 2-го от-

деления 4-го отдела УГБ УНКВД

по ЗСК мл.лейтенанта госбезопас-

ности СОЙФЕР Б.И., г. Новосибирск.

Р А П О Р Т

-

9-го февраля 1937 года я был арестован по обвинению в том, что будучи рабочим винокуренного завода на Украине в м-ко Бершади быв. Тульчинского округа в 1927 году и будучи тогда комсомольцем я якобы выступал на районном комсомольском собрании в защиту к-р троцкистской оппозиции. Когда я во время следствия несмотря на то, что было лицами занимавшиеся созданием на меня свидетельских показаний о якобы моей виновности, доказал документами, что я будучи комсомольцем и рабочим винзавода с 1924 по 1928 г. призыва в армию, а затем в Красной армии являлся активным комсомольцем и рабкором ряда центральных газет, часто выступал на собраниях с критикой плохой работы отдельных лиц на заводе и что никогда не выступал в защиту к-р троцкистской оппозиции ни в

комсомоле и ни в 1929г. в партии (будучи уже тогда чл.ВКП (б), а наоборот вел беспощадную борьбу с к-р троцкистами.

В своих показаниях доказывая лживость созданных свидетельских показаний преступниками работавшие в УНКВД **МОНТРИМОВИЧЕМ, МЕЛЬНИКОВЫМ** и белогвардейцем **ЛОРИЦЕМ** я вписывал в протоколы моих показаний изъятые у меня при обыске документы сохранившиеся парт-деле, переписку с редакциями газет, требовал запросить из района протоколы общих собраний с моими выступлениями, эти протоколы были УНКВД получены и никаких моих выступлений в защиту к-р троцкистской оппозиции не было, а были выступления против отдельных лиц разлагавшие производство, портившие оборудование и занимавшиеся хищениями и так как законченное в это время аналогичное дело на арестованного в один день со мной **КАЦЕНА** (быв.опер.уполн. 5-го отдела) было в мае 1937 года в Москве прекращено и **КАЦЕНА** было предложено из под стражи освободить, то созданное на меня фиктивное дело о якобы моем выступлении в 1927 году на районном комсомольском собрании в защиту к-р троцкистской оппозиции, нельзя было никуда посылать, ни в суд, ни на особое совещание, ибо в моих показаниях были по моему категорическому настоянию вписаны изъятые у меня при обыске документы и полученные УНКВД протоколы общих собраний с моими выступлениями за время моей работы на заводе и оно как фиктивно созданное дело было бы судом прекращено, то в мае 1937 года руководство УНКВД **МИРОНОВ** и **ГОРБАЧ** совместно с особо-уполномоченным **МОНТРИМОВИЧЕМ** боясь посылать мое дело на Особое Совещание, что-бы оно не было прекращено, как и дело **КАЦЕНА**, дали задание создать на меня 2-е фиктивное дело, что якобы я был завербован в 1936 году в к-р правотроцкистскую организацию и примененными ко мне пытками в Июле 1937 года в 4-м отделе УГБ УНКВД Зам.Нач.отдела **ПОГОДАЕВЫМ** под руководством Нач.отд. **ПОПОВА** Серафима Павловича требовали от меня подписать готовый ими составленный и отпечатанный протокол якобы моего допроса, тогда как они меня не допрашивали, кроме меня в этом протоколе были записаны еще как участники к-р право-троцкистской организации 6 сотрудников УГБ УНКВД и только потому, что я этот фальшивый ими сфабрикованный протокол отказался подписать, из меня сделали тогда инвалида, затем вновь назначенным их ставленник Нач.4-го отдела провокаторм **ПАСТАНОГОВЫМ** была арестована моя жена **ДЮРЯГИНА А.А.**, активная комсомолка студентка 5-го курса Мединститута, отличница и примененной к ней выстойке и оскорблениями она была доведена до полуобморочного состояния и подписала фальшивый, составленный под руководством **ПАСТАНОГОВА** протокол, что якобы она знала о к-р право-троцкистской деятельности и вела к-р агитацию против вождей партии. Жену мою **ПАСТАНОГОВ** арестовал только за то, что она ему как Нач.4-го отдела позвонила по телефону спросила, что случилось с мужем и написала тов. **СТАЛИНУ** письмо о моем аресте, но оно было из почты изъято и не направлено тов. **СТАЛИНУ**. После ареста жены были конфискованы все

принадлежащие нам вещи и таким путем отдельными лицами провокаторами-преступниками работавшие тогда в УНКВД была разрушена вся моя семья. Лишь только в марте 1939 года, когда мне удалось послать из тюрьмы заявление, которое было адресовано Нач.УНКВД Майору Госбезопасности тов. **КУДРЯВЦЕВУ** и мое заявление было вручено тов. **КУДРЯВЦЕВУ** началось об"ективное расследование моего дела проверка созданных на меня фальшивых материалов и была вскрыта вся гнусная фальсификация имевшихся в деле материалов и я после 26 месяцев содержания меня под стражей я был из под стражи освобожден 26 Марта 1939 года.

После освобождения я через УНКВД по НСО подал на имя Комиссара Госбезопасности 1-го ранга тов. **БЕРИЯ** и Майора Госбезопасности тов. **КУДРЯВЦЕВА** заявление на 36 печатных листах в котором более подробно изложил как было создано на меня фиктивное дело и все что было сделано со мной и моей семьей отдельными лицами работавшие тогда в УГБ УНКВД, создавшие на меня фиктивное дело методами позорящие органы НКВД, в этом же заявлении я написал, что находясь 26 месяцев в тюрьме, мне из рассказов лиц находившихся со мной в одной камере известен ряд преступных действий отдельных работников УНКВД по НСО, применявшие пытки к арестованным, заставляя их подписывать готовые, сочиненные ими самими (сотрудниками) протоколы и писать показания самим арестованным под их сотрудников диктовку. Я прошу ЦК ВКП (б) и тов. **БОРКОВА** читая мое настоящее заявление, затребовать и прочесть поданное мною заявление Наркому и Нач.УНКВД по НСО 7-го апреля 1939 года по моему делу, в настоящем заявлении я излагаю Вам известные мне следующие факты.

В УНКВД по НСО под руководством врагов Нач.УНКВД **ГОРБАЧА** и **МАЛЬЦЕВА**, Нач.4-го отдела **ПАСТАНОГОВА**, Нач. 1-го отделения 4-го отдела **ДЛУЖИНСКОГО** занимаясь политическим вредительством, применяли к арестованным пытки и методы «следствия» позорящие органы НКВД и являющиеся к-р деятельностью против генеральской линии партии. О их к-р политическом вредительстве в их работе мне известно следующее:

1.Арестованный быв. секретарь Октябрьского Райкома ВКП (б) гор. Новосибирска **СИЛАНТЬЕВ** рассказал мне, что он работал инструктором в одном из Райкомов партии города Москвы (кажется Бауманский точно не помню) жена его **ФРУМКИНА** кончила ИКПи в конце 1936 года она была направлена в Новосибирск на работу в Крайком ВКП (б) и вместе с ней приехал в Новосибирск и он (Силантьев). В Новосибирске он работал 2-м секретарем Райкома ВКП (б), а в 1937 году он был избран 1-м секретарем Райкома и что после ареста **ФРУМКИНОЙ** он написал и отправил тов. **СТАЛИНУ** телеграмму, в которой изложил о неправильности ареста **ФРУМКИНОЙ** и просил в телеграмме тов. **СТАЛИНА** дать указание проверить материалы послужившие поводом ее ареста, так как они являются клеветническими. После направления телеграммы

тов. **СТАЛИНУ** он зашел к секретарю Обкома **АЛЕКСЕЕВУ** и рассказал ему, что он сейчас отправил тов. **СТАЛИНУ** телеграмму о неправильности ареста **ФРУМКИНОЙ**. Через несколько дней после отправления телеграммы он был арестован. После ареста **СИЛАНТЬЕВА** в камеру не поместили, а привезли по распоряжению **ПАСТАНОГОВА** прямо в кабинет к **БОЛЬШАКОВУ** и в течение 33 дней был устроен конвеерный «дорос» и его пытали, не выпускали из кабинета, есть давали один раз в день через 3-4-5 дней и не давали спать, заставляя все время сидеть на устроенной для пыток табуретке, и когда сидя на табуретке он измученный дремал, то его **БОЛЬШАКОВ** избивал кулаками под бок и 60 часов **ПАСТАНОГОВ** и **БОЛЬШАКОВ** продержали его стоя на ногах, пока он не упал на пол, т.к. ноги у него опухли, что он даже не мог снять сапоги с ног. Во время применения к нему пыток его два раза заводили в кабинет к **ПАСТАНОГОВУ** садили его на табуретку по середине комнаты и ему устраивали карусель выражавшаяся в следующем: вокруг него сидящего на табуретке по середине комнаты ходили 7 сотрудников, среди них он знал только фамилии **ПАСТАНОГОВ, ДЛУЖИНСКИЙ** и **БОЛЬШАКОВ**, остальных не знает и ругая его нецензурной руганью тыкали в его тело пальцами и говорили, пиши показание, все равно будешь писать, мы тебя заставим писать, нас больше видишь мученик контрик какой сидит и еще ряд других издевательств, эта карусель в кабинете **ПАСТАНОГОВА** под его руководством продолжалась больше часа и была устроена два раза. За все 33 дня его нахождения на конвейере в кабинете **ПАСТАНОГОВЫМ** и **БОЛЬШАКОВЫМ** было принято еще целый ряд других над ним издевательств и беспощадная позорнейшая ругань, которую он мне рассказал, но я не буду описывать ее и все это делалось, чтобы он **СИЛАНТЬЕВ** начал сам своей рукой под диктовкой сотрудника писать на себя, что он к-р право-троцкист и проводил к-р право-троцкистскую работу, он писать этой линии не стал несмотря на все примененные к нему пытки. На 80-й день пыток его **ПАСТАНОГОВЫМ** и **БОЛЬШАКОВЫМ**, когда он уже был измучен без пищи, сна и избиениями, у него открылся залеченный 10 лет тому назад процесс туберкулеза и началось кровохарканье, при этом ему нужно было немедленно лечь в больницу и нужен был полный покой, чтобы остановить кровохарканье, когда он по этому вопросу обратился к **ПАСТАНОГОВУ** и **БОЛЬШАКОВУ**, то они ему сказали «напиши нам показание и мы тебя положим в больницу и будем лечить» он не согласился писать лжи, тогда он начал просить, чтобы ему дали возможность полежать на полу в комнате, если они не хотят его пустить в камеру, то он получил ответ, если писать не будешь, то здесь здохнешь и заставляли его сидеть только на табуретке. Медпомощи он не получил и вместо того, чтобы лежать не двигаясь, его заставляли сидеть на табуретке и подбивали ему бока, кровохарканье усилилось и на 33 день у него началось сильное кровотечение, когда его кровью начал заливать пол в комнате **БОЛЬШАКОВА**, то **БОЛЬШАКОВ** ушел договариваться с **ПАСТАНОГОВЫМ** и **СИЛАНТЬЕВА** увели в камеру, в которой сидел помощник **ПАСТАНОГОВА** известный троцкист бандит провокатор **ФРАНК-ОТЕЛЬ**. Когда выводные под руки ввели **СИЛАНТЬЕВА** из кабинета **БОЛЬШАКОВА** в камеру, т.к. он не мог

ходить уже, ноги от выстойки были опухшие, кровь из легких лилась, то **ФРАНК-ОТЕЛЬ** снял **СИЛАНТЬЕВУ** сапоги, разрезал голенища, потому, что ноги были так опухшие, что сапоги не слезли с них и он начал обрабатывать **СИЛАНТЬЕВА**, чтобы он начал писать показания, иначе он умрет здесь в камере от кровотечения, а так он будет лечиться в больнице и т.д. и т.п. дал **СИЛАНТЬЕВУ** бумагу и карандаш, продиктовал ему содержание заявления и **СИЛАНТЬЕВ** написал под диктовку **ФРАНК-ОТЕЛЯ** заявление о якобы своей виновности в к-р право-троцкистской деятельности и заявил, что согласен об этом писать показания. В этот же день он был вызван сотрудником **ИЛЬИНЫМ** написал под диктовку при излиянии крови и кашля показания, после чего ему приподнесли готовые написанные протоколы отредактированные **ПАСТАНОВЫМ** и он их подписал и был отправлен в тюремную больницу. Находясь в больнице тяжело больным с высокой температурой к нему приезжал сотрудник 4-го отдела (фамилию его сейчас не помню) и привез ему подписывать еще один готовый протокол и сказал ему, что если он протокол этот подпишет, то он будет выписан из больницы, то **СИЛАНТЬЕВ** и этот протокол подписал. При обыске у **СИЛАНТЬЕВА** было изъято 700 рублей денег, он будучи тяжело больным подавал несколько заявлений на имя **ПАСТАНОВОГА** с просьбой выдать ему хоть 50 рублей денег из его же 700 рубл., а в апреле 1938 года в палату тюремной больницы приходил Зам.Нач.4-го отдела **ДЫМНОВ, СИЛАНТЬЕВ** к нему обратился, просил у него, чтобы он выдал ему 50 руб. из взятых у него при обыске 700 руб., **ДЫМНОВ** себе записал и обещал деньги ему прислать, но ни по заявлениям, и не пообещанию **ДЫМНОВА СИЛАНТЬЕВ** деньги не получил, чтобы иметь возможность купить себе в ларьке что либо поесть, здоровье подорванное у него в связи с конвейерным допросом и пытками все время ухудшалось и в июле месяце 1938 года он умер.

За несколько дней до смерти **СИЛАНТЬЕВ** мне сказал, я наверное скоро умру и начал просить меня, что если я выздоровею и мне предоставиться когданибудь возможность, то он просит меня, чтобы я написал в ЦК тов. **СТАЛИНУ** все то, что он мне рассказал о своем деле и примененных к нему пытках и просил написать тов. **СТАЛИНУ**, что в показаниях его заставили подписать, что он телеграмму тов. **СТАЛИНУ** хотел послать, чтобы якобы дискредитировать органы НКВД (**КОРПУЛЕВ** мне рассказал, что телеграмма **СИЛАНТЬЕВА** тов. **СТАЛИНУ** **МАЛЬЦЕВЫМ** и **ПАСТАНОВЫМ** были из почты изъята и тов. **СТАЛИНУ** не отправлена и что никогда к-р троцкистом он не был, что все это ложь и подписал он это только в результате пыток и кровью, что сам он уральский рабочий, из семьи рабочего и что **ПАСТАНОВ** и **БОЛЬШАКОВ** замучили его в 34-х летнем возрасте.

2.Арестованный **МАСЛЕННИКОВ** мне рассказал, что приехал в Новосибирск из Урала в начале 1938 года и он был выдвинут директором Сиблестреста, проработал 6 месяцев в этой должности, он был арестован, его заставляли писать лично и под диктовку **ПАСТАНОВОГА** и его

помощников (фамилию их не помню), но их можно установить из протоколов его следдела), что он является участником к-р правотроцкистской организации и проводил к-р вредительскую работу. Когда он отказался это сделать, то его продержали на «конвейере» и выстойке 8 дней, несколько раз его ударили в живот, издевались над ним, не давали есть и пить и наконец он будучи доведен до болезненного состояния в результате применения к нему пыток вынужден был писать и подписывать все предложенные ему протоколы. После того, что он подписал приподнесенные ему протоколы его положили в тюремную больницу, из больницы в тяжелом болезненном состоянии его взяли во внутреннюю тюрьму УНКВД, продержали его больным около месяца и заставляли его еще подписывать протоколы очных ставок с другими работниками лесного хозяйства и предупредили его, что если он не будет на очных ставках подписывать протоколы, то его лечить не будут и он умрет в камере.

Масленников будучи тяжело больным подписал протоколы очных ставок какие только не приподносили ему работники 4-го отдела под руководством **ПАСТАНОГОВА** и только после того, что от него были получены подписи как он сказал фальшивых протоколов, его увезли обратно в тюремную больницу и на 4-й день после того, что его привезли в больницу он умер.

3. Арестованный Зав. РайЗО Убинского района **ШЕЛЕГОВ** в декабре 1938 года рассказал мне, что в 4-ом отделе под руководством **ПАСТАНОГОВА** и **ДЫМНОВА** его пытали, заставляли сидеть на табуретке с подложенными железками, которые резали тело, из ран текла кровь, в течение 5 дней его держали на конвейерном допросе, несколько раз ударили его, заставляли стоять на ногах пока не довели до тяжелого болезненного состояния, когда он уже не мог больше терпеть, то он согласился под диктовку следователя писать на себя и других, что он является участником к-р право-троцкистской организации, что его завербовал бывш. Зав. Сельхозотделом Райкома ВКП (б) и т.д., а затем уже подписал готовые приподнесенные ему протоколы, после того что подписал протоколы ему устроили передачу и письмо от жены и положили его в тюремную больницу, находясь в больнице ему следователь виде заботливости привез из передачи жены папиросы, масло и дал прочесть письмо, затем сказал ему, что он ему устроит очную ставку с Зав.сельхозотделом Райкома партии, который не подписал приподнесенные ему протоколы и что **ШЕЛЕГОВ** должен на очной ставке подтвердить, что он **ШЕЛЕГОВА** вербовал в к-р право-троцкистскую организацию и по его заданию **ШЕЛЕГОВ** якобы проводил вредительскую работу в сельском хозяйстве. Когда **ШЕЛЕГОВ** заявил, что он подтвердить на очной ставке это не может, потому, что ничего подобного не было, тогда приехавший сотрудник ему заявил, что если он не подтвердит на очной ставке подписанные показания, то его из больницы выпишут и лечить его не будут в камере. На следующий день в тюремную больницу вторично приехал этот сотрудник, вызвал из палаты больницы **ШЕЛЕГОВА** и договорился с ним,

что он подпишет написанное ими якобы его **ШЕЛЕГОВА** показания на очной ставке с Зав.сельхозотделом Райкома (фамилию его я забыл), затем он вызвал из камеры быв.зав.сельхозотделом Райкома и **ШЕЛЕГОВ** этот приподнесенный ему сотрудником протокол очной ставки подписал, а тот подписал отрицательный ответ и вот так была проведена очная ставка. Если захотят проверить, что мое следдело липовое, то пусть возьмут и прочтут его, тогда убедятся, что в протоколах допроса якобы меня и других из нашей группы вписаны фамилии еще около 15 коммунистов, работавшие в районе и часть из них лучшие пред-колхозов, все эти коммунисты вписаны по указанию **ПАСТАНОГОВУ** и **ДЫМНОВА** как участники к-р право-троцкистской организации, но их уже не успели арестовать и в след-дело когда я с ним знакомился вложено постановление, в котором указано, чтобы на этих коммунистов дело выделить отдельно. На следствии спрашивали, кто ваши знакомы и стоило назвать фамилии людей, которых знаешь и их фамилии вперед записывались на бумажке, а затем в протокол, который давали подписывать эти все фамилии людей уже были вписаны и числились как участники к-р право-троцкистской организации.

Об этом же следделе, что оно фиктивное и что примененными пытками заставили подписать протоколы как участника этой же к-р троцкистской группы мне рассказывал арестованный бывш. райпрокурор Лубенского района **НИКИТИН** и он говорил, что он подал заявление в феврале месяце 1939 года и отказался от всех подписанных им в результате принуждения фиктивных протоколов о якобы виновности и виновности других в к-р право-троцкистской деятельности.

4.Арестованный Райпрокурор Мариинского района **ГРАНИН** рассказал мне, что **ПАСТАНОГОВ** и **ДЛУЖИНСКИЙ** держали его 7 дней на конвейере и на выстойке, заставили его подписывать протоколы о якобы его принадлежности к к-р право-троцкистской организации, находясь на конвейере в комнату где его держали зашел **МАЛЬЦЕВ** и **ПАСТАНОГОВ** отругали его беспощадной руганью и заявили, что все равно подпишешь тебя заставят подписать и после этого над ним начали еще больше издеваться, пытать и ругать его, в результате он подписал протоколы, что он якобы является участником к-р право-троцкистской организации, после допроса он заболел и лежал в тюремной больнице. **ГРАНИН** из тюрьмы подал заявление об отказе от подписанных им показаний и просил, чтобы его вызвал в Москву прокурор Союза для дачи ему лично показаний по его делу и ряду другим вопросам.

5.Арестованный **ВИКЕР** доцент Томского Мединститута, член ВКП (б) рассказал мне, что будучи арестован ему **ОВЧИННИКОВ** бывш. Нач. Томского ГО НКВД предложил дать показания, на директора Мединститута РОЗЕТ, что он к-р право-троцкист занимался вредительством в учебе по подготовке кадров и т.д. Когда **ВИКЕР** заявил, что он такие показания на **РОЗЕТ** дать не может, потому что ему об этом ничего не известно, то **ОВЧИННИКОВ** передал его работнику 4-го отделения МИРОНОВУ и

сказал ему, чтобы он чем угодно добился от **ВИКЕРА**, чтобы он подписал показания на **РОЗЕТ** о его принадлежности к к-р троцкистской организации.

И над **ВИКЕР** начались издевательства и пытки. Сначала его **МИРОНОВ** держал на конвейере и стоя на ногах, не давал есть и спать, толкая его, ругая беспощадной руганью с требованием пищи показания, будешь писать и т.д. когда он категорически отказался писать ложь и подписывать фиктивные показания несмотря на все издевательства, то его поместили без всяких вещей в карцер на цементный пол и в течение 40 дней держали только на хлебе и воде в карцере, требуя от него примененными пытками подписывать липовые показания.

После 40 дней нахождения на хлебе и воде на цементном полу в карцере **ВИКЕР** заболел цынгой. Медпомощь ему не оказывали и больным его продолжали держать на конвейере, заставляя подписывать протоколы о к-р деятельности **РОЗЕТ**, и что **РОЗЕТ** его завербовал в к-р право-троцкистскую организацию, но **ВИКЕР** несмотря на все пытки, липовые показания не подписывал. В июле 1938 года его этапировали в УНКВД в г. Новосибирск и от цынги у него было кровоизлияние ног и он не мог двигаться, лежал в камере, арестованные камеры начали требовать, чтобы его положили в больницу, иначе камера откажется от приема пищи и объявит голодовку, и только тогда его поместили в тюремную больницу.

В сентябре месяце его из тюрьмы увезли в УНКВД, он еще был болен ибо после болезни цынгой хромал от осложнения и его в УНКВД **ПАСТАНОГОВ** продержал на конвейере 3 дня без пищи и сна требуя уже только «сознаться» в том, что его **РОЗЕТ** завербовал в к-р право-троцкистскую организацию, т.к. обработкой **РОЗЕТА** под руководством **ПАСТАНОГОВА** добились его подписи протокола, что им **ВИКЕР** был завербован в к-р право-троцкистскую организацию. Сначала хотели использовать **ВИКЕРА** как резидента органов, чтобы получить от него фальшивый протокол на **РОЗЕТА**, но **ПАСТАНОГОВУ** этого не удалось, то использовали **РОЗЕТА** на **ВИКЕРА**.

б.К арестованному **ОХОТЧИНСКОМУ** секретарю парткома редакции газеты «Советской Сибири» в результате примененных пыток к нему под руководством и установкам **ПАСТАНОГОВА** требуя от него подписывать фиктивные составленные **ПАСТАНОГОВЫМ** протоколы о якобы его принадлежности к к-р право-троцкистской организации сделали из него инвалида. Он мне рассказал, что несколько дней под руководством **ПАСТАНОГОВА** его держали на конвейере без пищи и сна, заставляли стоять на ногах, выбивали из под него табуретку на которой он сидел, несколько раз ему ткнули кулаком в бока. До конвейера его держали в специально устроенной для пыток холодной камере в которой стены были сырые, от таившего покрытого их снегом.

Несмотря на все примененные к нему пытки он все таки отказался писать и подписывать липовые протоколы, тогда на 5-й день конвеера ему предъявили выписанные ордер на арест его жены и сказали, ну что будешь писать, что требуем или нет, если писать не будешь, то арестуем жену, и он желая спасти жену от ареста и гибели двух своих детей согласился писать продиктованные ему показания, и подписал преподнесенные отредактированные **ПАСТАНОГОВЫМ** протоколы. Находясь больше года в тюрьме в самых тяжелых условиях и в результате примененных к нему пыток он заболел, и в январе 1939 года он уже не мог ходить, лежал в тюремной больнице больным с сильным кровотечением. **ОХОТЧИНСКИЙ** из камеры и больницы подал на имя Прокурора СибВО несколько заявлений об отказе от всех подписанных им фальшивых выдуманых **ПАСТАНОГОВЫМ** протоколов о примененных к нему пытках при допросе, в результате которых заболел, а в январе 1939 года был уже при смерти.

7. Арестованные **ЖУДРО** быв. зав. Горздрава и ФТИ г. Томска и **ФЕДУЛОВ** Главный бухгалтер Кузбассугля рассказывали, что примененными к ним конвеерным допросом и обработкой запугиванием ареста жен, обещаниями, что им будет небольшое наказание по их делам их заставили подписать на себя и других коммунистов протоколы, что те и они являются участниками к-р право-троцкистской организации занимались к-р вредительством, диверсионной и террористической деятельностью, после того, что они подписывали фальшивые протоколы приподнесенные им составленные Нач. отд. **ПАСТАНОГОВЫМ** и др. на себя и других коммунистов, о к-р деятельности ничего не знают им создали условия, давали передачи, устраивали переписку с семьей и т.д. Перед судом Военной Коллегии в октябре-ноябре 1938 года началась усиленная обработка их и других арестованных и подготовка их к суду ВК. По заданиям **МАЛЬЦЕВА** и **ПАСТАНОГОВА** они и другие арестованные вызывались из камер спрашивали их в чем нуждаются, устраивали вещевую и продуктовую передачу, брали письма семье и давали письма от семьи, создали самые лучшие условия и настроения в камере и все это делалось для того, чтобы они подтверждали на Военной Коллегии и прокурору подписанные ими показания. Если этого арестованного должны были судить, то с вечера предыдущего дня арестованные с вещами брались из камеры, вещи оставлялись в дежурке ДПЗ, а арестованные уводился в комнату Управления где сидел работник 4-го отдела подготовленный **ПАСТАНОГОВЫМ** и тут арестованного угощали ужином или обедом из столовой, буфета, затем дали обвинительное заключение и обрабатывали их подтвердить эти подписанные им лживые показания на В.К., здесь же в комнате у следователя арестованный в эту ночь спал и на следующий день его заводили на суд Выездной сессии Военной Коллегии.

В ноябре 1938 года после того, что они и другие были приговорены к расстрелу. После того, что приговор ВК был отменен и военная коллегия была из Новосибирска отозвана в камеру к ним и по другим камерам вечером по заданию **МАЛЬЦЕВА** и **ПАСТАНОГОВА** зашел Нач.

ДПЗ **КОРНИЛЬЕВ** и назвал фамилии всех, кто находился в камере отказавшиеся на ВК от своих показаний и велел им собраться с вещами и увел их из камеры, создав такое впечатление, что их как отказавшихся от своих показаний ведут расстреливать.

Через пару часов **КОРНИЛЬЕВ** вторично зашел в камеру и заявил оставшимся арестованным приговоренным к расстрелу, что в связи с тем, что они на ВК подтверждали свои показания, то в отношении их как разоружившихся руководство УНКВД **МАЛЬЦЕВ** и **ПАСТАНОГОВ** считало приговор к расстрелу слишком жестоким и подняли ходатайство перед правительством об отмене этого приговора и по их ходатайству правительство приговор к расстрелу им отменило и каждому из арестованных дал расписаться, «мне об»явлено, что приговор ВК отменен» в этот же день и на следующий день каждый из арестованных вызывался в 4-й отдел **ПАСТАНОГОВЫМ** и выделенными им сотрудниками и эти арестованные обрабатывались, что они должны еще раз у **ПАСТАНОГОВА** в присутствии прокурора подтвердить подписанные ими показания и больше им расстрела не будет и т.д и т.п и тут же из кабинета сотрудника 4-го отдела арестованного вводили в кабинет к **ПАСТАНОГОВУ** и там сидел помпрокурора СибВО и **ПАСТАНОГОВ** обманывая его снова брал с арестованного протокол доброса и подтверждающий якобы свои показания», **ЖУДКО** и **ФЕДУЛОВ** в результате **ПАСТАНОГОВСКОГО** допроса **ЖУДКО** ослеп и **ФЕДУЛОВ** сильно заболел и оба лежали в марте 1939 года в тюремной больнице.

8. Арестованные секретарь Панкрушихинского Райкома ВКП (б) **БОСЫХ** рассказал мне, что будучи арестован ранее работавший с ним в Томском Горкоме ВКП (б), а в последнее время в Новосибирске **РАДЬКО** в результате конвеерного допроса и примененных к нему пыток : избиение, содержание в карцере подписал на себя и на него **БОСЫХ** , что он и **БОСЫХ** являются участником к-р право-троцкистской организации , после того, что он подписал Пастаноговские протоколы его обработали передачами из семьи, перепиской с семьей, литературой и деньгами и **РАДЬКО** стал на к-р путь и подписывал на кого бы ему не предлагали и чтобы ему не предлагали протоколы ходил на любые очные ставки и **РАДЬКО** подписал после такой обработки протоколы на него.

(БОСЫХ) , что он якобы знает о к-р троцкистской деятельности **БОСЫХ** и эти протоколы брались по заданиям **ПАСТАНОГОВА** , чтобы **БОСЫХ** судить, т.к сам он ничего не подписал из лживых протоколов, несмотря на то , что его держали в камере пыток и он заболел и не мог ни ходить ни стоять и поэтому ему конвеерный допрос с избиениями не устраивали, он из камеры с кровохарканием был положен в тюремную больницу.

9. Арестованный **ХАРЬКОВ**, директор конфетной фабрики под руководством **ПАСТАНОГОВА** был обработан, чтобы он писал показания на знакомых ему коммунистов и что он должен в своих показаниях записать, что им завербованы и что он знал о принадлежности к к-р право-троцкистской организации несколько десятков человек, за гнусную работу **ХАРЬКОВУ** были созданы прекрасные условия. В камере его кормили обедом, ужином и завтраком из ресторана, давая передачи и давали письма от семьи, давали деньги, литературу и пр. В результате **ХАРЬКОВ** под диктовку следователя и по своей инициативе записал в протокол несколько десятков коммунистов, как принадлежащие к к-р право-троцкистской организации и пару десятков человек им якобы лично завербованные в к-р право-троцкистскую организацию, а в камере **ХАРЬКОВ** говорил, что нужно как можно больше записывать коммунистов в протоколы, что они конрреволюционеры, чтобы было больше арестовано, тогда в ЦК быстрее обратят внимание на арест коммунистов и их освободят, а мы будем в дружбе со следствием, получать передачи и т.д. Вписанные в протокол **ХАРЬКОВЫМ** коммунисты как участники к-р право-троцкистской организации по этим его показаниям они арестовывались, под руководством **ПАСТАНОГОВА** выбивались подписи под эти показания, что они арестованные являются участниками к-р право-троцкистской организации, а **ХАРЬКОВ** использовался на очные личные ставки. Тоже самое, только не помню в каком отделе сделали с Нач.пож.охраны и политруком гор. Новосибирска (фамилии их не помню) их посадили в одну камеру, чтобы они все вспоминали фамилии известных им коммунистов, чтобы их вписать как участников к-р право-троцкистской организации, их вызывали каждый раз из камеры и они все называли фамилии коммунистов, чтобы их вписывать в протоколы как ими завербованные в к-р право-троцкистскую организацию и они эти протоколы подписывали.

ПАСТАНОГОВ работая Нач. 4-го отдела УГБ УНКВД в своей практической работе проводил к-р троцкистскую деятельность выражавшаяся в следующем: Осужденного уже 2-ой раз кадрового махрового бандита к-р троцкиста на 10 лет за к-р троцкистскую деятельность **ФРАНК-ОТЕЛЬ**, **ПАСТАНОГОВ** не этапировал в тюрьму отбывать наказание, а договорился с ним и оставил его с конца 1936г. до Марта 1939 года в ДПЗ, чтобы он ему помогал обрабатывать имевшихся среди арестованных и невиновных коммунистов, чтобы они писали заявления и показания, что они и другие коммунисты являются к-р троцкистами. Для этого **ПАСТАНОГОВ** в ДПЗ хорошо оборудовал **ФРАНК-ОТЕЛЮ** камеру с постелью, устроил ему питание из ресторана по выбору в меню, давал ему деньги, литературу, газеты, свидания и переписку с женой и т.д. и этот махровый к-р троцкист провокатор являлся основным помощником **ПАСТАНОГОВА** по уничтожению отдельных невиновных коммунистов, даже в камеру ему было **ПАСТАНОГОВЫМ** предоставлена возможность проводить к-р троцкистскую работу, клеветать на партию и ее вождей. Под диктовкой **ФРАНК-ОТЕЛЯ** с предварительным инструктажем его **ПАСТАНОГОВЫМ** арестованные коммунисты не хотевшие писать

неправду, обманывать партию и подписывать клевету на себя и других коммунистов сажались к нему в камеру и писали заявления и показания о к-р право-троцкистской деятельности, выдуманной **ФРАНК-ОНТЕЛЕМ** и **ПАСТАНОГОВЫМ**, чтобы больше арестовывать и судить невинных людей. Многих кого убивали при конвейере в камеры не пускали, а прятали их в камере на обработку к **ФРАНК-ОНТЕЛЮ**. По спискам арестованных по камерам имевшиеся в 8-м отделе, ныне 1-ый спец-отдел можно видеть в какой камере сидел **ФРАНК-ОНТЕЛЬ** и кто побывал у него на обработке из арестованных (если только они вписывались в эти списки). Помощником у **ПАСТАНОГОВА ФРАНК-ОНТЕЛЯ** пробыл с конца 1936 года до марта 1939 года, в марте 1939 года **ПАСТАНОГОВ ФРАНК-ОНТЕЛЯ** держал в 6-ой камере в тюрьме с арестованными и Мариинским прокурором **ГРАНИНЫМ, МОРОЗОВЫМ** и др. Этот же **ФРАНК-ОНТЕЛЬ** использовался **ПАСТАНОГОВЫМ** для подписи любых показаний на коммунистов и любые очные ставки. В Марте 1939 года **ПАСТАНОГОВ ФРАНК-ОНТЕЛЯ** из 6-ой камеры тюрьмы куда-то спрятал.

О деятельности **ПАСТАНОГОВА** и **ФРАНК-ОНТЕЛЯ** нужно допросить бывш.сотрудника 4-го отдела **КОРПУЛЕВА**, который знает очень много конкретных фактов их к-р деятельности по созданию фиктивных дел и протоколов допроса.

Так-же как и **ФРАНК-ОНТЕЛЬ** на протяжении 2-х лет в камерах в качестве помощника врагам **МАЛЬЦЕВУ** и **ПАСТАНОГОВУ** содержался известный к-р бандит троцкист **ОБЕРТАЛЕР**, этот провокатор использовался всеми отделами он подписывал любые показания на арестованных выходил на очные ставки с арестованными даже таких которых он не знал и не видел на очных ставках подписывал протоколы какие бы следователями написаны бы не были, кроме того в камерах обрабатывал арестованных, что нужно подписывать и писать ложные показания, так как это якобы нужно партии и т.д. Даже в камере ему была предоставлена возможность проводить к-р троцкистскую работы. За эту контрреволюционную работу он получал деньги и продукты. После каждого вызова подписывать протоколы **ОБЕРТАЛЕР** возвращался в камеру и в полах приносил колбасу, папиросы, рыбу, масло, белую булку и пр. это была ему оплата за подписи протоколов. Подробные факты о деятельности **ОБЕРТАЛЕРА** в течение 2-х лет знает освобожденный быв.нач. Оперпункта НКВД ст. Инская тов. **ВАЛИЦКИЙ**.

За эту гнусную к-р работу **ОБЕРТАЛЕРУ** обещали, что он будет освобожден из под стражи, он все время в конце 1938 года готовился к освобождению и в камере он заявил, что он работникам УНКВД **ГОРБАЧУ, МАЛЬЦЕВУ, НЕВСКОМУ, ПАСТАНОГОВУ, ШАМАРИНУ** и др. проделал большую работу и его скоро освободят по их предложению он написал даже заявление о награждение за его «полезную» работу. По рассказам **БАЛИЦКОГО** к-р бандита троцкиста **ОБЕРТАЛЕРА** пользовали до конца 1938 года, а затем его увезли

и расстреляли, так как на него имелся приговор еще вынесенный в 1937 году, но он о нем не знал.

Все время содержание его под стражей держали в разных камерах, в очень хороших условиях, возили только на легковых машинах и он пользовался большими привелегиями за провокационную к-р деятельность.

По рассказам

арестованных **МАЛЬЦЕВ, ПАСТАНОГОВ** и **КОРНИЛЬЕВ** перед судом Военной Коллегии в июне, июле 1938 года и октябре-ноябре 1938 года производили обработку ту часть арестованных, которые подписывали лживые показания следующим образом: В приводной камере в УНКВД на стенах делались надписи фамилии арестованных, что якобы они приговорены на сроки 15, 12, 10, 8, 5 и 3 года среди написанных фамилий была и фамилия бывшего секретаря Новосибирского Горкома **МИЛЛЕРА**, что ему дано 15 лет, затем в камере было сочинено письмо якобы оставленное арестованным, который приговорен к расстрелу и в письме было написано, что я поверил совету и на суде отказался от своих показаний и меня приговорили к расстрелу, никому ничего не верьте, передайте моей семье, что меня расстреляли и т.д. и т.п. когда делались эти надписи на стене дверей и в других местах в приводной камере и ложилось это письмо, то в эту приводную камеру под предлогом обыска (или мелкого ремонта) переводились из какой нибудь камеры арестованные, подготавливающиеся к суду ВК на время в эту приводную камеру, они читали эти надписи, находили якобы оставленное письмо арестованным приговоренным к расстрелу и все это как новость передавалось по камерам всем арестованным, тоже самое передавалось через провокаторов **ФРАНК-ОНТЕЛЬ** и **ОБЕРТАЛЕРА**, а в действительности фамилии арестованных, которые были в приводной камере, что получили сроки 15, 12, 10, 8, 5 и 3 года были в большинстве своем Военной Коллегией приговорены к расстрелу.

Арестованный **МОРОЗОВ** научный работник Томского Мукомольского элеваторного Института рассказало мне, что будучи арестован его вызывали на допрос в Томском ГО НКВД сотрудники **ПУЧКИН** и **МИРОНОВ** несколько дней его держали на конвейере и на выстойке ругали и избивали его требуя от него, чтобы он писал показания, что он является участником право-троцкистской к-р организации, когда от отказался писать такие показания мотивируя тем, что он никем не завербован в к-р право-троцкистскую организацию и что никакую к-р работу он не проводил и ничего не знает, тогда **МИРОНОВ** ему заявил, что составит акт, что он **МОРОЗОВ** отказался писать показания и признаться в к-р работе, которую он проводил и его поэтому акту расстреляют. А до вызова на допрос **МОРОЗОВ** после ареста был посажен в камеру где сидели арестованный поп и тот рассказал **МОРОЗОВУ**, что идя на допрос нужно подписывать все, что требует следователь, тогда по суду можно получить срок, а если отказываются подписывать, то

следователь составляет акт на арестованного и по этому акту как «несознавшегося» его расстреляют без суда.

Когда **МИРОНОВ** заявил **МОРОЗОВУ**, что составит акт и по акту его расстреляют, то он тут-же составил акт на **МОРОЗОВА**, в котором указал, что он **МОРОЗОВ** отказался сознаться в своей к-р право-троцкистской деятельности и т.д. и закончил акт, что **МОРОЗОВА** нужно расстрелять, этот акт **МИРОНОВ** прочел **МОРОЗОВУ** и предложил ему его подписать, но **МОРОЗОВ** подписать его отказался и **МИРОНОВ** отправил **МОРОЗОВА** в отдельную камеру, а не в ту, в которой **МОРОЗОВ** находился до вызова его на допрос и создал ему такую обстановку, что он в этой отдельной камере будет расстрелян. **МОРОЗОВ** побыв в этой отдельной камере несколько часов постучал и заявил, что согласен писать любые показания, его **МИРОНОВ** вызвал и он написал и подписал написанные **ПУЧКИНЫМ** и **МИРОНОВЫМ** протоколы, что он является контрреволюционером, а также подписал еще на ряд лиц вписанные в эти протоколы **ПУЧКИНЫМ** и **МИРОНОВЫ**, что и они являлись участниками к-р право-троцкистской организации и проводили к-р троцкистскую деятельность.

В октябре 1938 года его привезли в Новосибирск в УНКВД на суд Выездной Сессии Военной Коллегии, но на суд он вызван не был, по приезде в Новосибирск он подал из тюрьмы заявление на имя Прокурора СибВО об отказе от подписанных им лживых показаний и методах примененных к нему **ПУЧКИНЫМ** и **МИРОНОВЫ**, чтобы он подписал эти протоколы составленные ими с ихними выдуманскими словами как якобы протоколы допроса его **МОРОЗОВА** и его показания.

9.ВОРОНЦОВ Нач. Транснарпита Кузнецкого отделения железной дороги рассказал мне, что в Сталинском ГО НКВД он был на конвейре 13 дней у **РОВИНСКОГО** без сна и пищи, его избивали и ставили на выстойку и заставляли подписывать протоколы, что он участник право-троцкистской к-р организации и занимался диверсионными актами, якобы по его заданию уборщица подожгла овощехранилище и он занимался вредительством.

Все это он подписал под физическим принуждением и потому, что ему показали ордер на право ареста его жены, а у него 4 или 6 детей, старшему всего 16 лет и он желая спасти семью и больше не терпеть пыток все протоколы, что ему дали подписывал на себя и других о контрреволюционной деятельности которых он не знал и не знает. В действительности рассказывая о пожаре овощехранилища сказал, что там сгорела картошка на 2 тысячи рублей, потому что уборщица при топке печи допустила халатность, после пожара им был составлен акт, написано отношение в прокуратуру и вместе с актом послано в НКВД и прокурору. Он сам ходил в НКВД и к прокурору и требовал, чтобы её привлекли к ответственности, но её не привлекали, и он его уволил, а через год с нее взяли протокол допроса, что якобы она овощехранилище подожгла по

его **ВОРОНЦОВУ** заданию и он ее уволил, чтобы она сбежала. Находясь под арестом в течение года его содержали в камерах где были самые тяжелые условия, не было даже места где лежать, кормили очень плохо, передачи он не получал, кроме одной за то, что подписал протоколы и в результате истощения заболел туберкулезом и когда у него началось кровохарканье он начал просить, чтобы его положили в больницу и оказали ему медпомощь, но это сделано не было и он оставался лежать в камере, в июне месяце его этапировали в Новосибирск на суд Военной Коллегии и из вагона его привели в тюремную больницу и через 2 месяца **ВОРОНЦОВ** умер.

10. Арестованный **ВЕТРОВ** рабочий забойщик, Беловской шахты рассказал мне, что был выдвинут на курсы и после окончания курсов был избран секретарем парткома шахты, будучи арестован в начале 1938 г, от него потребовали, чтобы он написал протокол, что он является участником право-троцкистской к-р организации, занимался вредительством и диверсионными актами, когда он доказывал, что он никогда к-р и участником право-троцкистской организации не был, что он был рабочим стахановцем, получал премии за перевыполнение норм выработки работая в шахте, то его Нач.Беловского РО НКВД 5 дней держал на ногах на выстойке, не давал есть и пить, несколько раз его ударили ногами в живот и он под принуждением и примененными к нему пытками подписал все протоколы, которые были написаны следователем. Он говорил, что будет суд я от всего откажусь, это ложь, меня принудили все подписывать на себя и других. После того, что он подписал протоколы, его направили в [Кемеровскую тюрьму](#), где были ужаснейшие условия содержания арестованных, камеры были переполнены до того, что арестованные в камерах могли только стоять на ногах, кормили один раз теплой водой с какой то зеленью, и находясь в тюрьме в таких условиях в течение года заболел туберкулезом, в августе м-це 1938 года его привезли в Новосибирск в УНКВД на суд ВК судить, но в связи с отзывом ВК из Новосибирска в Ноябре 1938 года его не судили и он был положен в тюремную больницу, в феврале или в марте месяце 1939 года его вызывали из больницы работники 4-го отдела УНКВД им заявил, что от всех своих показаний он отказывается, рассказал, как его заставили их подписать, но эти работники видя его состояние здоровья, что скоро умрет ничего не записали и уехали, а в 20-тых числах варта ВЕТРОВ умер, перед смертью он сказал за что меня в 30 лет угробили, у меня останется жена и двое детей, а за что я погибаю?

В июле 1938 года в тюремную больницу был привезен из тюрьмы под названием «ПТИЧНИК» (быв.инкубатор превращенный во временную тюрьму) радист (фамилию я его забыл) по рассказам других больных из этой же тюрьмы этот радист в результате примененных к нему пыток при допросе сошел с ума, вместо того, чтобы его отправить в психиатрическую больницу несмотря на то, что его сумашествие было для всех работников тюрьмы очевидным и арестованные сидевшие с ним в камере несколько раз требовали, чтобы его отправили в больницу, но в больницу его не отправили и в течение нескольких месяцев сумашедшего держали в камере.

В июле месяце в камеру принесли бочку с супом для 250 арестованных находившихся в этой камере, этот арестованный бросился с головой с горячим супом и обварился, его увезли в больницу и на 2-й день он умер.

ДЕЛА СОТРУДНИКОВ

Находясь в ДПЗ в 44-й камере с бывш.нач. Барзасского РО НКВД **ВАКУРОВЫМ** он рассказал следующее: Работая ранее в Абакане он знал **НОСКОВА**, который был арестован и осужден в конце 1936 года по Кемеровскому делу, когда он прочел в газете о Кемеровском процессе и после того, что был судебный процесс над Московским к-р троцкистским центром, у них в районе было общее собрание где стоял доклад о проведенных суд-процессов над к-р троцкистами, то на этом партийном собрании он выступил с призывом коммунистов к бдительности и борьбы с к-р троцкистами и тут же в своем выступлении рассказал как пример, что он даже работая в НКВД небыл достаточно бдительным, ибо в 1935 году после организации **Барзасское** РО НКВД он приехал в Кемерово, чтобы поехать в УНКВД (Новосибирск) и до отхода поезда, когда он приехал в Кемерово было еще 8 часов, то он сидел в фельдсвязи **Кемеровского ГО НКВД** и ждал время отхода поезда, чтобы поехать в Новосибирск, на столе в комнате фельдсвязи где он сидел лежали абонентская телефонная книжка, когда он ее открыл и начал читать, то увидел фамилию **НОСКОВ** – он спросил у сидевших в этой комнате фельдшереров из Абакана ли этот **НОСКОВ**, они сказали, что не знают, тогда он позвонил по указанному его номеру в телефонной книжке и он оказался тем-же **НОСКОВЫМ** переброшенный из Абакана и работающий в Кемерово и он спросил у **ВАКУРОВА**, что он делает в Кемерово, где работает, ему **ВАКУРОВ** ответил, что работает в Барзассе Нач.РО НКВД и едет в Новосибирск, то **НОСКОВ** попросил **ВАКУРОВА** зайти выпить к нему чаю, так как до поезда оставалось еще 6 часов. **ВАКУРОВ** зная его как члена ВКП (б), чл.бюро Абаканского Обкома ВКП(б) попросил одного из работников фельдсвязи показать ему где улица и дом где живет **НОСКОВ** и тот пошел и показал ему и **ВАКУРОВ** побыл в квартире **НОСКОВА** 2 часа, попил чаю, говорили о работе в Абакане и он ушел, уехал в Новосибирск и после этого больше **НОСКОВА** не видел. На собрании партийного актива в районе он рассказал как пример, что он даже как работник НКВД небыл достаточно бдительный и был у врага народа **НОСКОВА** и пил чай, и только его личное это выступление послужило поводом ареста и на **ВАКУРОВА** работником Особо-Уполномоченного преступником **ОЛЬШАНСКИХ** было создано фиктивное дело по обвинению в к-р троцкизме, которое было направлено на Особое Совещание. Спустя год нахождения его под следствием в тюрьме Особое совещание дело **ВАКУРОВА** прекратило и предложило его освободить, но распоряжение Особого совещания об освобождении **ВАКУРОВА** прибыло через 2 дня после его смерти. **ОЛЬШАНСКИХ ВАКУРОВА** замучил в тюрьме и он умер. Этот же **ОЛЬШАНСКИХ** создал фиктивное дело на батрака Пом.

оперуполномоченного Усть-Калманского района **ВАСИЛЬЕВА**, якобы восхвалявший к-р троцкистов. Существо дела по рассказам **ВАСИЛЬЕВА** было таково: он находился на курорте где-то возле Ленинграда в конце 1936 года и когда принесли газеты с приговором над Московским к-р троцкистским центром их сидело на скамейке 7 человек и когда прочли, то начали говорить все, в том числе и он, что вот сволочи, какими гадами они оказались, очень хорошо, что суд вынес им такой жесткий приговор, и когда после в санатории в кино он поспорил из-за девушки с 2-мя сотрудниками милиции отдыхавшие с ним в этой санатории и сидевшие с **ВАСИЛЬЕВЫМ** на скамейке когда читали приговор над к-р троцкистским Московским центром, то они ему сказали в кино ты у нас будешь помнить. Через 3 месяца после его приезда с курорта его вызвали в Новосибирск и арестовали, по поступившему от них заявлению, что якобы когда читали приговор **ВАСИЛЬЕВ** восхвалял **ЗИНОВЬЕВА**, сказав, что он когда-то был пред.коминтерна и имел свои труды истории партии сам **ВАСИЛЬЕВ** этого разговора не отрицал и сказал, что когда прочли приговор были в нем и фамилии презренных гадов к-р троцкистов о которых небыло известно где они ранее работали и все начали говорить где кто из осужденных ранее работал, то он **ВАСИЛЬЕВ** сказал о некоторых, в том числе о к-р бандите **ЗИНОВЬЕВЕ**, что он когда то был пред.коминтерна и имел свои к-р историю партии, но он был как к-р снят с работы пред.коминтерна и его история партии была как конрреволюционная изъята, то один из этих 2-х работников милиции написавший заявление на **ВАСИЛЬЕВА** говорил, что нет **ЗИНОВЬЕВ** не был пред.коминтерна и свою историю партии не имел, то **ВАСИЛЬЕВ** начал с ним спорить и доказывать, что он был, но как к-р был снят с этой работы и историю партии имел. Когда **ОЛЬШАНСКИХ** вел это дело, то он отказал **ВАСИЛЬЕВУ** допросить свидетелями остальных сидевших на скамейке когда читали газету и когда **ВАСИЛЬЕВ** спорил с работником милиции приславший заявление и отказал ему в проведении очных ставок со свидетелями приславшие заявление, а чтобы скомпроментировать **ВАСИЛЬЕВА** подшил в изъятое у него при обыске дело с парт-документами о его вступлении в партию, валявшееся у него на этажерке написанное пахабное стихотворение «ЛУКА Мудище» и сделал, что **ВАСИЛЬЕВ** якобы это подшил в парт-дело. Когда это дело было передано председателю Трибунала ПВО **ЧИМАЛО**, то **ОЛЬШАНСКИХ** подговорил одного сотрудника Черепановского РО НКВД выступить в качестве свидетеля против **ВАСИЛЬЕВА** и осудили **ВАСИЛЬЕВА** на 8 лет лишения свободы и 3 года поражения в правах. Очень характерно и то положение, что я будучи во время ареста в 1937 году на допросе в комнате где сидел **ОЛЬШАНСКИХ** я задал ему вопрос в чем обвиняется **ВАСИЛЬЕВ** и будут ли его судить, то он мне ответил: **ВАСИЛЬЕВ** получит 8 лет, это было дней за 15 до суда и действительно **ЧИМАЛО** предТрибунала вынес приговор **ВАСИЛЬЕВУ** 8 лет это доказывает, что еще до суда была заранее договоренность между липовщиком провокатором **ОЛЬШАНСКИХ** и предТрибунала **ЧИМАЛО** о приговоре **ВАСИЛЬЕВА**: Крайне тяжело было всем сидевшим в камере с **ВАСИЛЬЕВЫМ** видеть его состояние, он ужасно плакал, ему всего 27 лет,

приехав с курорта он только женился на одной девушке комсомолке окончившая Барнаульский учительский Институт и приехавшая в район работать учительницей, она забеременела и осталась при аресте его 3-х месяцев беременности, над ним **ОЛЬШАНСКИХ** ужасно издевался его женой о чем он из камеры подписывал на имя прокурора ПВО несколько заявлений и возвращаясь с допроса от **ОЛЬШАНСКИХ** плакал от его издевательств.

Этим же **ОЛЬШАНСКИХ** было создано дело на Нач. Венгеровского РО НКВД **НАДЕЕВА**, который также был арестован в 1937 года по ст. 58-10 подробности о его деле я писать не буду, в его следделе должны быть его личные показания написанные в порядке 206 ст. УК на 40 листах в которых подробно с доказательствами и документами он доказывал свою невиновность и какими гнусными методами этот провокатор **ОЛЬШАНСКИХ** создавал на него фиктивное дело и подделывал документы о его виновности и издевался над ним. Эти же показания **НАДЕЕВ** писал в 3-х экземплярах и один экземпляр в ЦК ВКП (б), но наверное их **ОЛЬШАНСКИХ** никуда не отправлял, если в его следделе этих показаний нет, то я могу дать подробные о них показания, т.к. я их в камере читал.

МАКСИМОВ быв. оперуполномоченный ГВБ УНКВД сидел со мной в камере в 1937 году о его следделе мне известно следующее. Быв. Нач. Транспортного отдела **НЕВСКИЙ** и работник этого отдела **ВОЛОВ** арестовали группу железнодорожников на ст. Рубцовка и решила дать красивое дело, чтобы в нем был участником организации и сотрудник УНКВД, и так как до вступления в органы УНКВД **МАКСИМОВ** работал в Рубцовке машинистом и некоторые арестованные его знали, то его увязали, что он так-же является участником к-р троцкистской организации.

Среди арестованных по этому делу был арестован и один осведомитель (фамилию его не помню, но он был хромой) от этого осведомителя взяли протокол допроса, что **МАКСИМОВ** якобы тоже являлся участником к-р троцкистской организации и за это этого осведомителя при вызове подписывать протоколы в том числе и при подписывании готового отпечатанного протокола на **МАКСИМОВА** поили в кабинете пивом, носили из ресторана обеда, завтраки и ужины и т.д. Когда следдело по обвинению **МАКСИМОВА** было передано в Трибунал и этого арестованного осведомителя привели на суд-заседание Трибунала под конвоем как свидетеля, то он отвечая на ряд вопросов заданных ему **МАКСИМОВЫМ** на суде, несмотря на то, что его подготавливали перед судом подтверждать эти липовые показания, на суде вынужден был от них отказаться и заявить, что они фиктивные и Трибунал был вынужден **МАКСИМОВА** как ни в чем невинного оправдать и из под стражи освободить. Когда **УСПЕНСКИЙ**, **НЕВСКИЙ** и **ВОЛКОВ** узнали, что **МАКСИМОВА** оправдал Трибунал, то они взбесились и **УСПЕНСКИЙ** позвонил и написал в Москву **ЕЖОВУ**, чтобы дело **МАКСИМОВА** военная коллегия Верховного суда не утвердила и

прислала его обратно в УНКВД на доследование и вторичное рассмотрение на суде. Через 3 месяца после освобождения **МАКСИМОВ** был вторично арестован и этого осведомителя совместно с другими арестованными по делу из тюрьмы привозили в ДПЗ и требовали от них вторично подтвердить на суде протокол о принадлежности **МАКСИМОВА** к к-р троцкистской организации, но этот осведомитель и другие арестованные говорили при вызове их на допрос из ДПЗ **НЕВСКОМУ** и **ВОЛОВУ**, что Вы нас обманули, когда Вам нужны были наши подписи под протокол, то хорошо кормили давали пить пиво передачи, а как мы подписали протоколы и перевели нас в тюрьму, то мы все это перестали получать и отказались подписывать еще раз протоколы на **МАКСИМОВА** их продержали несколько дней в ДПЗ и увезли обратно в тюрьму.

Дело **МАКСИМОВА** было передано из Транспортного отдела в аппарат ОСОБОУПОЛНОМОЧЕННОГО и было поручено работнику **ШНЕЙДЕРМАНУ** и он дофабриковал это дело, поиздевался над **МАКСИМОВЫМ** и в сентябре 1937 г. дело передали в Трибунал СИБВО и поэтому фиктивному делу Трибунал осудил **МАКСИМОВА** на 5 лет. У **МАКСИМОВА** имелись заявления от арестованных для Трибунала, которые в них писали каким путем был подкуплен этот осведомитель и создавались протоколы на **МАКСИМОВА** о якобы его принадлежности к к-р троцкизму, эти заявления **МАКСИМОВ** вручил Пред.Трибунала СибВО во время суда, кроме этого в его следделе должны быть его личные показания по делу написанные в ЦК ВКП (б) и в следдело в которых он подробно излагает и подтверждает документами о фиктивности его дела и издевательствах над ним во время следствия и как быв.Нач. УНКВД **МИРОНОВ** и **ГОРБАЧ** являются убийцами его жены, которая после его ареста оставшаяся с 2-мя детьми в результате его ареста сильно заболела и умерла. Но безусловно эти показания **ШНЕЙДЕРМАН** в ЦК ВКП (б) наверное не отправил. С августа по 25 октября 1938 года со мной в тюремной больнице лежал **САДОВСКИЙ** быв.работник 3-го отдела Сиблага, он голодал 105 дней, в тюремной больнице его кормили искусственно. Причина его голодовки была как он мне рассказывал следующая: будучи мобилизован работать в 3-ий отдел УГВ УНКВД в 1937 году его заставляли создавать фиктивные дела, делать липовые к-р организации и увязывать людей в к-р организации, которые друг друга не знали и никогда не видели, то он набрался смелости отказаться это делать и высказался против создания таких фиктивных дел, доказывая, что арестовывают много честных рабочих и бедняков колхозников делают липовых кулаков, то **САДОВСКИЙ** был в начале 1938 года из органов уволен и затем арестован, как он выразился мне: «я сижу и меня расстреляют за то, что я был слишком наивным и добивался честности и справедливости, не желая убивать честных невиновных людей». После ареста его увязали с какими то арестованными поляками, которых он не знает и не видел и сделали его участником к-р шпионской организации, когда его взяли в 3-й отдел УГВ УНКВД на допрос, то его продержали на конвейере 20 суток, не давали есть и пить, устроили ему выстойку на ногах до того, что ноги опухли и он упал, несколько раз его избивали требуя от него подписать протокол, что он

является участником шпионской организации и был шпионом, он этот протокол не подписывал и в последний раз его избили до потери сознания, взяли его рукой и подписали протоколы. При избиении его у него была разбита голова и ему ее забинтовали, фамилии сотрудников, которые его избивали я не помню, но это делалось в отделении 3-го отдела УГБ **КОЧУРОВСКОГО**, их вбегало по 3-5 человек и с ним расправлялись.

Когда после потери сознания он пришел в себя, ему показали, что все уже подписал и объявили, что дело следствием закончено. Когда его увели в камеру, то он подал несколько заявлений на имя ЦК ВКП (б) **ВЫШИНСКОГО, ЕЖОВА**, Нач.УНКВД и секретаря парткома УГБ УНКВД **ОРЛОВА** в которых он все подробно описывал и вскрывал в них уничтожение совершенно ни в чем невинных людей по фиктивным делам против которых он выступил и в знак протеста против того, что над ним издевались, пытали его и при потере сознания подписали его рукой протоколы он объявил голодовку и требовал, чтобы его допросили по делу, но никто его не вызывал и не допрашивал. В 20 числах октября 1938 года он заявил Зам.Нач. тюрьмы **ПРУДНИКОВУ**, чтобы ему дали бумагу он подпишет работнику Зам.Нач.3-го отдела **КОНОНОВУ** письмо и снимет голодовку. На 3-й день в палату тюремной больницы где лежал **САДОВСКИЙ** пришел **ПРУДНИКОВ**, принес бумагу и говорит ему, пишите и снимайте голодовку, он написал **КОНОНОВУ** записку с просьбой его вызвать, где он даст подробные показания по делу как с него взяли подписи под протоколы, ибо **ПРУДНИКОВ** не хотел **САДОВСКОМУ** оставить бумагу в палате, чтобы он все написал и голодовку **САДОВСКИЙ** не снял, а на следующий день (105 день голодовки) **САДОВСКОГО** взяли с вещами из палаты тюремной больницы и **ПРУДНИКОВ** ему сказал, что он едет к **КОНОНОВУ** в 3-ий отдел в Управление. Когда собрался уходить из палаты **САДОВСКИЙ** мне сказал, очевидно есть решение Особого Совещания меня расстрелять, они меня пустили по альбому по линиям, **ПРУДНИКОВ** со снятием голодовки и бумагой со мной разыграли трюк, чтобы я как сотрудник не трехнулся, что меня везут к корыту стрелять, если ты останешься живым, я прошу тебя напиши все то, что я тебе рассказал в ЦК ВКП (б) и Наркому пусть затребуют мои заявления, которые я передал через Нач.ДПЗ в них я очень много интересного написал для ЦК ВКП (б), пусть хоть если меня убьют, партия снимет позор врага народа с моего ребенка.

Не безинтересным является следдело расстрелянного оперуполномоченного 5-го отдела 26-ти летнего **КАЦЕНА**. **КАЦЕН** был арестован 10-го февраля 1937 года по обвинению в том, что в 1927 году когда ему было 16 лет и будучи фабзавучеником в Житомире он якобы на комсомольском собрании выступал в защиту к-р троцкистской оппозиции, он тогда был избран 2-ой жертвой быв.руководством УНКВД **МИРОНОВЫМ** и **ГОРБАЧЕМ**, чтобы показать **ЕЖОВУ**, что и мы у себя в аппарате выявили к-р троцкистов, когда фиктивное следдело на **КАЦЕНА** было закончено и направлено в апреле месяце 1937 года на Особое Совещание, то Особым Совещанием оно было прекращено и было прекращено и было

предложено **КАЦЕНА** немедленно из под стражи освободить. Освобождение **КАЦЕНА МИРОНОВ** и **ГОРБАЧ** считали для себя большим позором потому, что на всех партсобраниях его прорабатывали как выявленного к-р троцкиста, который арестован и будет осужден, а тут его освободили и прекратили следдело, они его уволили из органов и он устроился на работу в Запсибзолото в Бийске, через несколько месяцев **КАЦЕНА** вторично арестовали, провели его по протоколам участником к-р право-троцкистской шпионско-диверсионной организации и в июне-июле 1938 года расстреляли. Сидевший в камере сотрудник 5-го отдела СУРОВ рассказал, что примененными к нему пытками его заставили подписать протокол, что он завербовал **КАЦЕНА** в к-р организацию и совместно с ним проводил к-р троцкистскую деятельность работая в 5-ом отделе УГБ УНКВД, что **КАЦЕНА** сильно пытали, он был весь избит, лицо и голова у него были забинтованы и сам он ходить не мог, когда заканчивали фиктивное на них дело, то **КАЦЕНА** привели два выводных под руки так как он сам не мог ходить, весь был забинтован и показал ему (**СУРОВУ**) **КАЦЕНА**, что означало якобы провели очную ставку **КАЦЕН** только кивнул разбитой головой и тут же **КАЦЕНА** увели обратно в камеру. Находясь со мной в 44-й камере **КАЦЕН** писал о фиктивности своего дела и преступной деятельности **МОНТРИМОВИЧ, БАРКОВСКОГО** и друг.заявления в ЦКВКП (б) и Паркому и отдавал их для отправки Пом.прокурора ПВВ **ЗОНИНГЕРГУ** и **ПОПЕРНО**, копии этих заявлений должны быть в прокуратуре ПВВ в наблюдательном деле, в них подробно он излагал как на него сфабриковали 1-ое дело, которое в последствии Особым совещанием было прекращено и материалы о преступной деятельности отдельных работников в УНКВД он передавал Нач.УНКВД **МИРОНОВУ**.

Арестованный бывш.сотрудник УГБ **ШУБИН** рассказал мне, что в 3-м отделе УГБ **ЮРИН** продержал его на конвейерном допросе 12 дней без сна и пищи, из них 8 дней его держали на выстойке, от которой опухли ноги до того, что он уже не мог ни стоять, ни ходить. Ботинки на ноги не налезали и **ЮРИН** бритвой вырезал у него из пальто реглан подкладку и дал ее завернуть ему опухшие ноги и он начал мочиться кровью, был доведен до болезненного состояния, что больше уже выдерживать пытки не мог, и его заставили подписать протокол якобы его допроса, но в действительности составленный **ЮРИНЫМ** с его-же **ЮРИНА** лично выдуманных слов, что якобы **ШУБИН** был завербован в к-р право-троцкистскую организацию, и только когда **ШУБИН** подписал этот фиктивный протокол он был отправлен в камеру.

Арестованный быв.сотрудник УГБ УНКВД **БЕБЕКАРКЛЕ** рассказал, что он был на конвейере у работников 3-го отдела ХАПУГИНА 14 суток без сна и пищи и держали на выстойке 5 дней, избивали его линейкой, угрожали ему избить его в наручниках до смерти и пропустить вне судебном порядке, угрожали арестом 8-ми месячной беременности жены, устроили инсценировку ареста и допросом жены в соседней комнате, где на выстойке находился **БЕБЕКАРКЛЕ**, когда **БЕБЕКАРКЛЕ** был доведен до болезненного состояния начал мочиться кровью и в результате пыток был

уже почти без сознания и измучен он дал согласие под диктовку **ХАПУГИНА** писать липовый протокол допроса, якобы он состоял в к-р троцкистской организации и был участником к-р шпионской организации и его заставили вписать в «протокол допроса» часть людей, которых он совершенно не знает и никогда не видел. После того, что он подписал протокол, от его жены **ХАПУГИНЫМ** была взята вещевая и продуктовая передача **БЕБЕКАРКЛЕ**, но эту передачу **ХАПУГИН БЕБЕКАРКЛЕ** не передал и ее присвоил.

В ДПЗ в камере со мной находился Нач.АХО УНКВД **ГРИГОРЬЕВ**, который был арестован быв.зам.нач. УНКВД **УСПЕНСКИМ** только за то, что **ГРИГОРЬЕВ** осмелился заявить **УСПЕНСКОМУ**, что он не будет выполнять его указаний, так как они являются к-р вредительскими и направлены против указаний партии и правительства. Как только **ГРИГОРЬЕВ** заявил это **УСПЕНСКОМУ** в конце 1936 года, последний написал **ЯГОДЕ** и сразу же не ставя на парторганизации вопроса об исключении из членов ВКП (б) **ГРИГОРЬЕВА** арестовал. Под руководством **УСПЕНСКОГО** бывш. Особоуполномоченный **МОНТРИМОВИЧ** и сотрудник 3-го отдела **ТРУШ** создали на **ГРИГОРЬЕВА** провакационным путем фиктивное дело о якобы злоупотреблениях в его работе.

Для создания фиктивного дела в Томск был командирован **ТРУШ** создавать свидетельские показания на **ГРИГОРЬЕВА** и **УСПЕНСКИЙ** обещал **ТРУШУ** за оформление на **ГРИГОРЬЕВА** следдела повысить его спецзвание. **ТРУШ** распоряжение **УСПЕНСКОГО** выполнил, создал свидетельские фиктивные показания и совместно с **МОНТРИМОВИЧЕМ** под руководством **УСПЕНСКОГО** создали фиктивное дело и был повышен в звании с сержанта на младшего лейтенанта. В камере на **ГРИГОРЬЕВА** **УСПЕНСКИЙ**, **МОНТРИМОВИЧ** и **ТРУШ** хотели спровоцировать и создать фиктивное дело по обвинению его в к-р деятельности для этого они специально в камеру подсаживали завербованных ими людей и подкупали выдавали деньги и обещали выпустить на свободу находившихся в камере арестованных лишь-бы как говорили **МОНТРИМОВИЧ** и **ТРУШ** угробить **ГРИГОРЬЕВА**. В знак протеста против всех издевательств над собой и создания фиктивного дела **ГРИГОРЬЕВ** объявил голодовку и голодал 20 дней. Во время «следствия» по созданному фиктивному делу **ГРИГОРЬЕВ** написал на 30 листах заявление в 2-х экземплярах в ЦК ВКП (б) и следдело в котором изложил о к-р вредительской деятельности **УСПЕНСКОГО** и какими преступными провокаторскими путями на него создано фиктивное дело, чтобы его осудить, это заявление **ГРИГОРЬЕВ** отдал **МОНТРИМОВИЧУ**, но они его не направили ни в ЦК ВКП (б), и ни в следдело не вложили. Когда следдело поступило к прокурору, то он вынужден был **ГРИГОРЬЕВА** из под стражи освободить, но боясь **УСПЕНСКОГО** дело прекратить, он вернул его в УНКВД с мотивировкой на доследование, но так как ничего нельзя было доследовать ибо оно было сфабриковано, то **УСПЕНСКИЙ** уехал в МОСКВУ и добился распоряжения прокурору, чтобы **ГРИГОРЬЕВА** осудить по этому

делу без всякого до следования, его вторично арестовали и Пред.Трибунала **ЧИМАЛО** осудил **ГРИГОРЬЕВА** на 3 года.

ПРО АРЕСТОВАННЫХ ДРУГИМИ ОТДЕЛАМИ.

Арестованный **ГРОМОВ** секретарь парткома телефонной станции Областного управления связи в октябре месяце 1938 года рассказал мне, что после ареста его под руководством Нач.11-го отдела **БАТАЛИНА** ему был устроен конвеерный допрос 5 дней его держали на выстойке без пищи и сна, беспощадно его ругали, несколько раз ударили требуя, чтобы он подписал протокол, что он является участником к-р право троцкистской организации и проводил к-р вредительскую работу и что он не выдержав примененных к нему пыток такую ложь он подписал на себя и других работников связи, на суде он говорил я все, что делали со мной расскажу и буду от всей этой лжи отказываться.

Арестованный профессор математики и директор Томского Научно-Исследовательского номерного института математики и механики **ВИШНЕВСКИЙ** о своем аресте рассказал, что из Москвы был направлен работать в его Институт профессор математики немецкий еврей эмигрировавший из Германии в СССР (фамилию я его забыл) в конце 1937 года он и этот немец были арестованы Томским ГО НКВД, когда из камеры его **ВИШНЕВСКОГО** вызвал Нач. 3-го отделения **РОМАНОВ**, то он ему заявил, что нужно для правительства и партии, чтобы вы профессор **ВИШНЕВСКИЙ** дали показания, что Вас завербовал в шпионскую диверсионную организацию проф.немец приехавший к вам работать, вы подпишите показания, что вы шпион и диверсант, это так нужно, такая обстановка. Ведь вы по происхождению из дворян и говорите, что вполне советский человек и все время работали честно для укрепления вооружения красной армии, так если это в действительности так, то мы с вами долго по вопросу показания разговаривать не будем создадим вам хорошие условия, будете иметь литературу, передачи и свидания с семьей и подпишите показания и этим поможете советской власти и партии вести борьбу в Германии с фашизмом. При разговоре с ним **РОМАНОВ** открыл в своей комнате шкаф и показал **ВИШНЕВСКОМУ** лежащее в шкафу несколько единиц охотничьего оружия по заявлению **ВИШНЕВСКОГО** стоящее 40.000 рублей и сказал ему, что вот ваше оружие, мы без вас произвели обыск и временно его изъяли, оно будет храниться у меня в шкафу, вы скоро поедите в Москву, там будете работать по своей специальности и вести научную работу и жить в прекрасных условиях, там хорошие научные лаборатории в НКВД и Ваш арест временное заявление, мы вас как военного специалиста ценили и пр. и пр. После этого разговора **РОМАНОВА** **ВИШНЕВСКИЙ** дал согласие подписать показания, что он шпион и диверсант. Когда он дал согласие подписать показания, **РОМАНОВ** устроил ему регулярную передачу вещей, продуктов и денег, перевел его в лучшую камеру и через несколько дней он

подписал РОМАНОВУ протоколы в которые его знакомые военные работники в Москве и Ленинграде, которых он называл **РОМАНОВУ** как знающие его и он их были вписаны как участники к-р шпионско-диверсионной организации.

Через пару месяцев его увезли в УНКВД в Новосибирск и он был посажен во внутреннюю тюрьму УНКВД, через несколько дней его вызвал Нач.отделения 3-го отдела **ПАРФЕНОВ** и сказал ему, что его показания нужно переделать и кое что уточнить и договорившись об этом с ним (**ВИШНЕВСКИМ**) вызвал его вечером и сказал ему – напишите мне чем именно в работе вашего научно-исследовательского института может интересоваться немецкая разведка и какие научно-исследовательские работы представляют наибольший интерес для разведки. Он в кабинете **ПАРФЕНОВА** написал все чем может интересоваться ГЕСТАПО из научной работы института и военной организации в Москве и Ленинграде с которыми он был связан по своей работе и где работают известные ему военные работники. Затем он написал список всех знакомых военных работников Москвы и Ленинграда с которыми он сталкивался по своей работе и все это отдал **ПАРФЕНОВУ**. Через 3 дня его вторично вызвал из камеры **ПАРФЕНОВ** и дал ему подписать готовые составленные протоколы в которых было написано все то, что он сам писал (чем может интересоваться гестапо из научной военной работы проделанной в институте и военных учреждениях в Москве и Ленинграде) как сведения, которые он и другие военные работники передали Германской разведке, а всех кого он указал в списке знакомых ему военных московских и ленинградских военных учреждений в протоколах значились тоже как участники шпионско-диверсионной организации и т.д.

Рассказывая о подписанных им протоколах **ПАРФЕНОВУ, ВИШНЕВСКИЙ** с большим восхищением и радостью говорил, что он подписал протоколы в которые записаны как участники к-р организации коммунисты, которые носят по 2-3 ромба и даже записан как участник к-р шпионско-диверсионной организации новый начальник вооружения РККА быв.военный атташе СССР во Франции, он называл фамилии этих военных работников, но я их не помню и сказал, что в подписанных им протоколах значилось, что допрашивал ГОРБАЧ и **ПАРФЕНОВ**, тогда как он **ГОРБАЧА** не видел и **ГОРБАЧ** с ним не разговаривал, но за то после того, что он подписал **ПАРФЕНОВУ** протоколы, он получил 2 раза свидание с дочерью, передачи вещевые и продуктовые, деньги, письма и научную литературу. Вообще он говорил с ним, все, что я подписал я еще подпишу у прокурора ему я заявлю, что это все, что написано в протоколе правда и когда будет суд **ПАРФЕНОВ** вызовет даст мне прочесть перед судом протоколы чтобы вспомнить, то, что там написано, чтобы не запутаться в суде. После суда по заявлению **ПАРФЕНОВА** меня отправят в Москву и я буду там продолжать вести научную работу. Когда я поспорил с **ВИШНЕВСКИМ** и заявил ему, что он антисоветский человек и правильно арестован и на поставленный ему вопрос, что раз он подписал протоколы, то это очевидно правда, что все перечисленные военные работники являлись участниками к-р шпионско-

диверсионной организации, то **ВИШНЕВСКИЙ** ответил: «НКВД это океан, а мы песчинки», раз НКВД говорит, что так нужно и нужно подписывать мне беспартийному, что я шпион и диверсант, то раз для соввласти и партии нужно, то коммунисты должны в первую очередь подписывать, ну я и подписал на Московских и Ленинградских военных работников ибо большинство из них коммунисты, пусть они и помогают органам НКВД. В апреле месяце 1938 года **ВИШНЕВСКИЙ** заболел и лег в больницу, очень жалел, что в связи с болезнью не успел иметь свидание с прокурором и подтвердить ему свои показания и что затягивается суд, а в августе месяце он в тюремной больнице умер.

Арестованный **ЛАНДОВСКИЙ** работник штаба СибВО в январе 1939 г. рассказал мне, что после ареста его работники 5-го отдела несколько дней держали на выстойке и около 10 дней (точно количество дней не помню) держали на конвейерном «допросе» без сна и пищи и каждый день в комнате где стоял на выстойке и сидел на табуретке вбегали по 2-3 человека и его избивали, ломали ему хребет, ездили на нем верхом и били его в бока требуя от него, чтобы он подписал протоколы, что он организовал к-р шпионскую организацию и завербовал в нее 3-х человек, из них пом.комиссара дивизии и др.военных среди которых 2 человека, которых он совершенно не знает и никогда их не видел.

Будучи избитым и измученным на конвейере и выстойке без сна и пищи **ЛАНДОВСКИЙ** протоколы подписал, после чего были проведены очные ставки, выразившиеся в том, что в комнату ввели его и пом.комиссара дивизии (фамилию его не помню), протокол очной ставки уже был заготовлен и заранее написан следователем. Они посмотрели друг на друга т.к. до очной ставки никогда не видели и не знали друг друга усмехнулись друг другу, **ЛАНДОВСКИЙ** спросил 2-го арестованного приведенного на очную ставку как его фамилия и они подписали протокол очной ставки и арестованного пом.комиссара дивизии увели, после чего следователь проводивший «очную ставку» отругал беспощадной руганью **ЛАНДОВСКОГО** за то, что он спросил у 2-го арестованного фамилию, т.к. этим он дал ему понять, что он его совершенно не знает. **ЛАНДОВСКИЙ** был арестован летом без всякой верхней одежды, содержался под стражей в холодном деревянном бараке на чем спать и будучи одет в летнем обмундировании, он замерзал и требовал, чтобы ему передали из дому одежду, но ее не передавали. В декабре 1938 г. чтобы передали из дому одежду объявил голодовку, голодал 18 дней его кормили в тюремной больнице искусственно и только на 18 день голодовки ему передали из дому вещевую передачу одежду и он голодовку снял. В январе месяце 1939 года после того, что дело было возвращено Особым совещанием, чтобы передать его в Трибунал и как липовое дело в Трибунал передать было нельзя, его вызывали допрашивали и переделали ему дело со шпионажа на вредительство по 58-7 УК и он говорил, что это тоже ложь, я ни в чем невиновен и когда дело его было возвращено Особым совещанием, то его визировал товарищ одетый в форме пограничника разговаривал с ним по делу и он ему рассказал, что все это липа и в

результате примененных к нему пыток он подписал протокол, что он шпион и вербовал в шпионскую организацию людей, которых он совершенно не знает, одетый в форме пограничника расспросил **ЛАНДОВСКОГО** подробно о деле. Когда **ЛАНДОВСКИЙ** голодал и лежал в тюремной больнице, то ему лечили позвоночный столб от болезни в результате примененных к нему пыток. Я лично грел ему позвоночник синим светом.

Арестованные 3-м отделом **КАСОВСКИЙ** юристконсультант ЦК Союза угольщиков, Киселевский электросварщик Новосибирского судостроительного завода и **ЗОБИН** буфетчик судостроительного завода и **ШАМОДМ** Нач.строит. Заготзерно рассказали мне, что их заставили подписать протоколы, что они являлись участниками к-р шпионских организаций и увязали их с людьми, которые их завербовали и они завербовали совершенно незнающих и невидевшие никогда их и они не знают тех и никогда их не видели кого они вербовали по подписанными ими протоколов. **ШАМОДМ** говорил, что он подписал протоколы по мацярски словом «неправда» вместо подписи.

ЗОБИНА когда вызвали на допрос следователь спросил у него фамилию, имя и отчество и другие установочные данные, угостил его папиросой, посадил его в стороне ничего не спрашивая у него, и сам стал писать, написал 5 листов протокол допроса и постановление, затем велел ему сесть у стола, угостил его 2-ой раз папиросой и сказал – ну **ЗОБИН** подпишите, **ЗОБИН** взял написанные листы и хотел прочесть, то следователь ему сказал ну подпишите сначала, а после будете читать, о Вас тут ничего не написано. **ЗОБИН** подписал 4 листа и когда стал подписывать 5-й лист, то увидел запись «250 голов скота и фамилию людей, которых он не знает», а в это время следователь стоял возле него и когда **ЗОБИН** подписывал листы протоколов допроса, он тут-же брал подписанные листы к себе в руки якобы смотря на подпись, **ЗОБИН** спросил следователя, а что это за фамилии людей, я ведь их не знаю, и что за 250 голов скота и обратился к следователю, который держал в руках подписанные **ЗОБИНЫМ** листы протокола допроса, дайте мне их я прочту, что там написано, то следователь вместо того, чтобы дать **ЗОБИНУ** прочесть, что он подписал хотел взять у него подписанный им 5-й лист, а **ЗОБИН** его не дал и оторвал нижнюю часть листа со своей подписью, то следователь его ударил, он упал на пол и с ним начался припадок, так как он был больной. От криков **ЗОБИНА** сбежались тюремные надзиратели и находившиеся в тюрьме следователи, так как все это происходило в кабинете следователя на 2-ом этаже в тюрьме, то **ЗОБИНА** унесли в камеру, придя в себя после припадка он в знак протеста, что его обманули и выманили подписи под протокол допроса, который ему не производили он заболел и объявил голодовку. **ЗОБИНА** положили в тюремную больницу, он голодал 6 дней и в начале марта его увезли из больницы в УНКВД и говорят, что его расстреляли.

КИСИЛЕВСКИЙ по национальности литовец 28 лет, родился и вырос в СССР родителей и родственников не имеет, работал на судостроительном заводе и жил в общежитии, когда его арестовали, то в протоколе записали и заставили его подписать, что он по национальности поляк, несмотря на то, что он литовец и по всем документам и паспорту он значился литовец и лишь потому, что у него была переделана фамилия из **КИСИЛЕС** на **КИСЕЛЕВСКОГО** и по протоколу увязали с арестованными поляками, которых он не знает и они его, что он завербован ими в польскую шпионскую организацию. После того, что он подписал протокол его увезли в тюрьму, носившая название «ПТИЧНИК» и там в камере он встретил человека, который в протоколе значился, что он завербовал его **КИСИЛЕВСКОГО** в шпионскую организацию, когда они встретились, то этот человек ему говорит, ты **КИСИЛЕВСКИЙ**, значит это тебя меня заставили подписать, что я завербовал, ну ничего ты там не один, у меня много записано таких как ты, а я их незнаю и не видел никогда, а заставили подписать, что я их вербовал, ну будем знакомы сейчас.

Арестованный Транспортным отделом инженер чл.ВКП (б) **МИНГАЛЕВ** рассказал мне, что его держали 6 дней на конвейерном допросе без пищи и сна сидя на табуретке, из под него несколько раз выбивали табуретку и он падал на пол и 24 часа стоял на ногах и его заставили подписать протоколы, что является участником к-р право-троцкистской организации, занимался вредительством и диверсией и к нему было применено целый ряд издевательств и беспощадная ругань его, что все протоколы он подписал только в результате примененных к нему пыток, что в протоколах написана ложь и то, что никогда не было и он никогда не делал, а арестованный работник Управления Томской железной дороги **МОСТОВЕНКО** рассказал, что он был во время допроса избит, держали его на допросе без сна и пищи 4 дня подряд и заставили его подписать фальшивые протоколы, что он шпион и диверсант и эти протоколы он подписал на себя и людей, часть которых он не видел никогда и не знает, кроме того он рассказал ряд фактов издевательств и пыток над арестованным в опер-пункте ст. Новосибирск Нач.оперпункта **ПОДБЕРЕЗКИНЫМ** и другими сотрудниками опер-пункта фамилии которых не помню.

В опер-пункте в Красном уголке **ПОДБЕРЕЗКИН** со своими сотрудниками устраивали выстойку арестованных, ставили по сторонам комнаты красного уголка по 4-6 человек, а посередине комнаты на стуле сидел сотрудник, который заставлял этих арестованных только стоять лицом к стене не двигаясь, ни есть, ни спать никому не давали, в уборную не пускали, стоявшие арестованные на выстойке в красном уголке опраивались в брюки, если кто либо пробовал сесть на пол или отойти от указанного ему места стоять, то дежуривший сотрудник в красном уголке вызывал из кабинетов сотрудников и этого арестованного избивали. В этом же красном уголке где производилась выстойка арестованных и издевательств опривка в брюках и избиение, висели портреты вождей партии и правительства, когда арестованные говорили **ПОДБЕРЕЗКИНУ** и другим сотрудникам, что

ведь это позор, что в красном уголке перед портретами вождей партии и правительства при наличии Сталинской конституции вы так над нами издеваетесь, избиваете нас, заставляете оправляться в брюках, не даете есть и спать, держите на ногах до тех пор пока не даем согласие подписывать ложь, фальшивые протоколы о преступлениях, которые мы никогда не только не делали, но и мысли не было, что это можно сделать, то в ответ эти арестованные получали беспощадную ругань и явно-контр-революционные ответы по адресу Сталинской конституции и правительства. Если **МОСТОВЕНКО** жив, то я убедительно прошу его допросить и Вам будет вскрыта к-р политическое вредительство творившееся в этом оперпункте с арестованными в большом количестве невиновных людей. В этом красном уголке на выстойке держали до тех пор, пока арестованные не давали согласие подписывать протоколы.

Арестованный комендант ст.Новосибирск **ЖУРАВЛЕВ** рассказал мне в Декабре 1938 года, что ему в транспортном отделе был устроен конвейерный «допрос» в течение нескольких суток без пищи и сна, что его держали на выстойке требуя от него подписать протоколы, что он является японским шпионом и только лишь будучи избитым подписал такие протоколы на себя и других лиц, что они шпионы, тогда, как в действительности он этого не знал и не знает, что следователь сам все это сочинил в протокол и дали ему подписать. Через несколько месяцев после окончания следственного дела с обвинением в шпионаже, его вызвали и начали передпрашивать и переделывать ему обвинение в шпионаже на антисоветскую агитацию, которую он никогда не проводил и не мыслил, даже и не знал говорить такие антисоветские слова о **КАГАНОВИЧЕ** и других руководителях партии, которые ему приписывал следователь написавший протокол допроса. Из камеры он подавал заявления об отказе о всех своих ранее подписанных под физическими принуждениями ложных показаний, что он шпион и занимался шпионажем.

ЧТО Я САМ ВИДЕЛ:

В июне месяце 1938 года 2 часа ночи в тюремную больницу в палату №2 внесли арестованного ответисполнителя Автогужтреста (фамилию его я забыл) его принесли со 2-го этажа тюрьмы из кабинета следователя бока и спина у него была вся в синяках, он был без сознания и еле дышал. В 4 часа ночи он пришел в сознание, но говорил с большим трудом еле выговаривая слова, он рассказал, что его бросили на пол, избивали в кабинете следователя ногами в бока и спину, за то, что он отказался подписать написанный следователем протокол не допрашивая его, что он является участником к-р организации и ему отбили почки, как только он начал еле говорить, пришел в тюремную больничную палату следователь и хотел его взять обратно в кабинет. Дежурившая надзиратель **БЕЗРОДНЫХ** отказалась его выдавать без ответдежурного, то следователь ушел и через несколько минут вернулся с ответдежурным и

двуми надзирателями, так как этот избитый арестованный не мог ходить, то надзиратели его стащили с койки один из надзирателей взял этого арестованного за грудки, а второй толкал его сзади и как корову утащили его на 2-ой этаж в кабинет к следователю и бросили его на пол, санитаркой в этот день в тюремной больнице дежурила **Татьяна ЛЕБЕДЕВА**, она ходила в комнату к следователю и носила для этого избитого арестованного медикаменты. Фельдшером в этот день в больнице дежурил **Григорий ГЛАЗКОВ** он принимал и выдавал этого избитого арестованного следователю обратно в кабинет и дежурная надзирательница **БЕЗРОДНЫХ** видела синяки на теле от нанесенных побоев указанному мною арестованному. Допросом перечисленных работников тюремной больницы можно узнать фамилию арестованного и следователя избивший его до смерти.

Этот арестованный был положен в больницу, чтобы скрыть смерть арестованного от избиения, потому, что следователь избивший его думал, что он его убил на смерть, а когда оказалось, что этот арестованный еще живой и начал еле говорить, то боясь, что утром врач увидит его избитого и это примет огласку, то он его в эту ночь утащил обратно к себе в кабинет и бросил его на голый пол.

Когда я лежал в больнице, то над окнами палат находились окна кабинетов следователей, то ежедневно днем и ночью приходилось слышать ужаснейшие крики и стоны арестованных от нанесенных им побоев в кабинетах, а также были слышны удары, когда избивали арестованных, была слышна вся гнусная беспощадная ругань не поддающаяся даже описанию, которая исходила из уст лиц называвшиеся себя следователями. Я лично несколько раз вызывал в палату дежурных надзирателя **КРЕМЕЧКО** и говорил ей, чтобы она сказала ответдежурному о криках арестованных и что необходимо пойти и прекратить издевательств над арестованными. В кабинетах у следователей находившиеся над тюрьмой были специально сделанные для пыток арестованных высокие от пола табуретки на которых садили арестованных, чтобы ноги не достигали пола и по несколько дней держали на этих табуретках требуя от них подписывать протоколы. В самой тюрьме под землей был устроен темный карцер и когда избивали арестованных, то чтобы в камерах не видели избитых их сажали в карцер и карцера использовались как метод заставить арестованного подписать написанным следователем протоколы. Я сейчас не помню фамилии избитых арестованных побывавшие в карцерах тюрьмы и в карцере под землей, но допросом тюремных работников тогда работавшие в тюрьме и проверкой записи арестованных сидевшие в карцерах (если только этих арестованных записывали когда сажали в карцер) можно все это установить. Если Нач.тюрьмы честный коммунист, то он сам должен рассказать все то преступное, что делали у него в тюрьме отдельные работники 4-го отдела УНКВД под руководством и указаниями **ПАСТАНОГОВА**.

КАК БЫЛА СОЗДАНА К-Р ОРГАНИЗАЦИЯ «ПОЛЕЦИОН»

Арестованный сотрудник 3-го отдела УГБ УНКВД **БЕЙМАН** рассказал в камере о своей работе, когда работал в УНКВД, что он был вызван в кабинет к быв.начальнику УНКВД **МАЛЬЦЕВУ** и **МАЛЬЦЕВ** ему сказал, что нужно будет ликвидировать к-р еврейскую организацию «ПОЛЕЦИОН» и проинструктировал его, чтобы он взял литературу в библиотеке и прочел, что из себя представляли сионистические организации и написал меморандум для получения санкции на ликвидацию к-р организации «ПОЛЕЦИОН». После разговора с **МАЛЬЦЕВЫМ** он обошел все оперативные отделы и искал архивные разработки на сионистов и такую разработку за 1923-1924 год он нашел в 4-ом отделе (Спб), но числящиеся несколько человек фигурантами разработки были давно осуждены и никого из лиц проходивших по этой архивной разработке не было в Новосибирске, тогда он пошел в библиотеку взял 2 брошюры из книгохранилища о сионистической организации лег на диван, ногами вверх как он выразился, закурил папиросу и в течение полудня их прочел, затем нашел одного старика еврея раввин он или нет я не знаю, но я его сделал раввином, посмотрел по спискам где и в каких учреждениях работают евреи, этого старика раввина я сделал руководителем организации назвал ее «ПОЛЕЦИОН» и опустил нити ячеек к-р организации в учреждения где работали евреи, Заготзерно, аптеки, мастерские и т.д., а после составления схемы сел и написал меморандум, что вскрыта в Новосибирском УНКВД к-р еврейская организация «ПОЛЕЦИОН» во главе с раввином, который создал к-р ячейки в Заготзерно, аптеках, мастерских и т.д., а фигурантов этих к-р ячеек я взял из списков рабочих и служащих учреждений и мастерских, выбрал имевшихся там евреев. Когда я отпечатал составленный мною липовый меморандум и зашел с ним к Мальцеву, он меня похвалил за умение «вскрывать организации» и составленный меморандум и велел мне арестовать людей проходящих по меморандуму и один экземпляр послать в НКВД СССР **ЕЖОВУ** с отношением, что нами вскрыта еврейская организация «ПОЛЕЦИОН» и фигуранты организации арестованы, после разговора с **МАЛЬЦЕВЫМ** и распоряжение арестовать людей, я арестовал старика значившегося раввином и продержал его два дня на конвейере, но я успел только арестовать 250 человек и конвейерным допросом оформить на них дела, эти дела я договорился с **МАЛЬЦЕВЫМ** докладывать ему когда на тройке он будет заседать один и тройка будет в единственном числе **Мальцеве**, так я и сделал, дела доложил и 90 с лишним процентов арестованных он писал «Р», т.е расстрелять. Всего уже при мне по протоколам проходило до 800 человек этой моей и **МАЛЬЦЕВА** к-р организации, но я уже не успел остальных арестовать, потому что был сам арестован.

В дальнейших протоколах **МАЛЬЦЕВ** распорядился, что допросы арестованных нужно будет провести евреев живущих в Барнауле по указанию Нач.УНКВД **ПОПОВА** и мы вскрыем к-р организацию «ПОЛЕЦИОН» и в Алтайском крае, что **МАЛЬЦЕВ** якобы говорил по телефону с **ПОПОВЫМ**, что он вскрыл к-р организацию «ПОЛЕЦИОН»

и **ПОПОВ** просил провести по протоколам допроса арестованных в Новосибирском УНКВД одного барнаульского еврея и он вскроет у себя в Барнауле тоже к-р организацию «ПОЛЕЦИОН», на основании присланного протокола допроса из УНКВД в Новосибирске. **БЕЙМАН** был арестован и приговорен к расстрелу за мородерство.

В камере перед уходом на суд **БЕЙМАН** сказал, если ктонибудь из вас останется живым и захочет написать то, что я рассказал о Мальцевской и моей к-р организации «ПОЛЕЦИОН» и чтобы убедились, что это так, то пусть поищут и кроме составленного мною меморандума и двух брошюр, которые я читал ничего не найдут, все это я оставил в своем столе ящика, никаких разработок и никаких агентурных материалов на к-р организацию «ПОЛЕЦИОН» нигде не найдут, потому что ничего не было, это все наша липа. Весь этот разговор **БЕЙМАНА** знает освобожденный быв.нач.оперпункта ст. Инская **БАЛИЦКИЙ** Александр.

Арестованный Нач.8-го отдела УГБ УНКВД, **БЕБЕКАРКЛЕ** мне рассказал, что работая до июля 1938 года и присутствуя при проведении в исполнение приговоров были очень много выкриков арестованных, которых расстреливали «ДА ЗДРАВСТВУЕТ тов. СТАЛИН» и выкрики «мы не виновны за что нас убивают» и т.д. **БЕБЕКАРКЛЕ** сейчас находится на свободе.

Кроме того, что я изложил Вам о известных мне фактах извращения и к-р политического вредительства врагов работавшие в УНКВД по НСО я считаю необходимым сообщить Вам, что очень много таких фактов по созданию фиктивных дел знают и другие сотрудники **БАЛИЦКИЙ, РОМШЕНИЧ, БЕБЕКАРКЛЕ, КОРПОЛЕВ, ШУБИН**, которых если найдете нужным допросить, то они еще больше сообщат Вам о вражеской деятельности отдельных преступников в УНКВД по НСО. Эти товарищи писали на Ваше имя по несколько заявлений о таких фактах. Я лично еще находясь под арестом из камеры писал на Ваше имя ряд заявлений об этих фактах, но эти заявления при руководстве УНКВД **ГОРБАЧА, МАЛЬЦЕВА, РОВИНСКОГО** и **ПАСТАНОГОВА** к Вам не доходили, а с Июня 1938 года **МАЛЬЦЕВ** запретил совсем давать бумагу и заявления, и до приезда Нач.УНКВД тов.**КУДРЯВЦЕВА** бумагу на заявления в тюрьме не давали, враги **МАЛЬЦЕВ, РОВИНСКИЙ** и **ПАСТАНОГОВ** боялись заявлений, чтобы не разоблачили их вражескую деятельность. Сейчас я имею возможность написать Вам все известные мне факты преступной деятельности лиц носившие удар партии и родине.

Своим партийным долгом считаю сообщить Вам эти известные мне факты.

29.05.39г.

СОЙФЕР